

**ХОДАТАЙСТВО
(в порядке ч. 1 ст. 120 и ч. 4 ст.217 УПК РФ)**

(извлечение)

В установленном законом порядке нами осуществляется защита М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева по уголовному делу ..., которое с сентября 2007 года находится в производстве Главного следственного управления Следственного комитета при прокуратуре РФ.

В связи с инициированным следствием незаконным ограничением сроков ознакомления с указанным уголовным делом, защита, хотя и категорически не признает ознакомление с материалами дела окончанным, на основании ч. 1 ст. 120 и ч. 4 ст.217 УПК РФ заявляет настоящее ходатайство, и прежде всего считает необходимым отметить следующее:

- уголовное преследование М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева основано не на законе, а на политических решениях, сопряженных с реализованным намерением разрушить Нефтяную компанию "ЮКОС", опорочить и лишить собственности ее законных владельцев;

- сначала Генеральная прокуратура РФ, а в настоящее время Следственный комитет при прокуратуре РФ выступают в качестве орудий такого преследования, в ходе которого фальсифицируются доказательства, игнорируются требования закона, выдвигаются абсурдные обвинения;

- уголовное дело №18/432766-07 является составной частью общего, инициированного властью "дела ЮКОСа", оно противозаконно и искусственно выделено из другого дела, возбуждено в отсутствие законных оснований, расследовалось вопреки правовым нормам и вступившим в силу судебным решениям;

- полная несостоятельность уголовного преследования М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева, а также менеджеров ОАО НК "ЮКОС", подтверждена решениями судов различных государств, постановленными в ответ на неоднократные безуспешные попытки Генеральной прокуратуры РФ убедить эти суды в наличии у нее намерений достижения исключительно правовых целей и установления истины;

- грубые нарушения прав человека, связанные с политически мотивированным задействованием репрессивной государственной машины, были безоговорочно установлены международно-признанными авторитетными организациями, к числу которых относятся Парламентская Ассамблея Совета Европы и Европейский Суд по правам человека. Полномочия указанных организаций признаны и Российской Федерацией, присоединившейся к соответствующим международным договорам.

Изложенное подтверждается следующими фактами и документами.

I.

На момент заявления настоящего ходатайства приняты:

- Решение Европейского Суда по правам человека от 25 октября 2007 г по делу “*Лебедев против России*” (Жалоба № 4493/04), которым признаны неоднократные и грубые нарушения прав Лебедева П.Л., гарантированные Статьей 5 § 1 (с); Статьей 5 § 3; Статьей 5 § 4 Европейской Конвенции, (выразились в нарушении права на защиту при избрании меры пресечения в виде содержания под стражей, а также при дальнейшем продлении сроков ареста, особенно содержание под стражей без судебного решения).

- Решение Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 25 января 2005 г, где указано на дискриминационное обращение со стороны российских правоохранительных органов с лицами, обвиняемыми в рамках так называемого “дела ЮКОСа”: ограничение права на защиту, несправедливое судебное разбирательство, нарушение принципа равенства сторон и др. Ассамблея пришла к выводу, что действия России выходили за пределы правосудия по уголовным делам, включая такие элементы как ослабление политического противника, возвращение контроля за стратегическими экономическими активами и перераспределение их лицам, близким высшей государственной власти.

- Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005г № 4-П, признавшего, в частности, незаконной и антиконституционной практику продления сроков содержания под стражей без судебного решения (судебного разбирательства не с участием сторон, а путем вынесения заочного неаргументированного постановления судьи), где одним из заявителей был П.Л.Лебедев.

- Постановление Федерального трибунала Швейцарской конфедерации от 13 августа 2007г об отказе в международной правовой помощи Российской Федерации по уголовному делу, поскольку совокупность исследованных судом данных ***“отчетливо подкрепляет подозрения в использовании уголовного процесса как инструмента***

*власти в целях подчинения класса богатых «олигархов» и удаления потенциальных или реальных политических противников». Здесь же говорится: «**Политический и дискриминационный характер процесса, проводимого в России, усиливается вдобавок нарушениями гарантий, относящихся к правам человека и к праву на защиту, которые происходили в течение всего процесса, а также изложением фактов, которое остается неполным, несмотря на определенные решения, вынесенные в запрашивающем государстве».***

- Утвержденное Вильнюсским окружным судом постановление Генеральной прокуратуры Литовской республики от 24 августа 2007г “Об отказе в экстрадиции Российской Федерации Михаила Брудно” так как **“очевидно, что целью обвинений, выдвинутых Российской Федерацией против акционеров и руководителей НК ”Юкос”, несомненно, является преследование и наказание их за их политические взгляды”.**

- Решения Магистратского суда на Боу-стрит (Великобритания), которыми неоднократно (18 марта, 17 августа и 23 декабря 2005г) было отказано властям Российской Федерации в выдаче сотрудников ЮКОСа Маруева, Чернышевой, Бурганова, Горбачева, Темерко, поскольку их уголовное преследование **является политически мотивированным.**

- Решение Верховного Княжеского суда Лихтенштейна от 25 апреля 2004 года, которым было отказано в правовой помощи Генеральной прокуратуре РФ и где прямо сказано, что: **“Ни одно обстоятельство дела не представлено четко и ясно. Поэтому возникает подозрение, что... речь идет о подборе компрометирующих материалов, что является недопустимым, или в процессе, по которому подана просьба об оказании правовой помощи... предполагаемые деяние являются просто безосновательными утверждениями. С другой стороны, последним можно было бы объяснить, почему в просьбе факты вообще не представлены существенным образом. В этом случае правовая помощь все равно недопустима и в ней должно быть отказано”.**

- Постановление районного суда гор.Амстердама от 31 октября 2007г, в котором указано: **“Районный суд полагает, что представленный ему ход событий приводит только к одному выводу: что способ оценки (размера) налоговых доначислений на НК «ЮКОС» сначала МНС РФ, а затем и судом по налоговым делам, не выдерживает критики. Приходится заключить, что МНС РФ, несмотря на предшествовавшее заявление о том, что НК «ЮКОС» не имела налоговых задолженностей за 2000 и 2001 годы, три недели спустя на основе повторной налоговой проверки пришло к выводу о том, что НК «ЮКОС» была должна за 2000 год налогов на сумму более 2,29 млрд. евро. Последующее разбирательство в суде по налоговым делам и разбирательство по жалобе проходили с нарушением основополагающих принципов отправления правосудия, общепризнанных в Нидерландах и изложенных в статье 6 ЕКПЧ, которые, однако, также**

применимы и за пределами сферы применимости этой статьи Конвенции... Следовательно, неизбежен вывод о том, что в ходе определения (размера) налогов, которые она была должна российскому государству, НК «ЮКОС» не получила справедливого судебного разбирательства».

Нетрудно заметить, что данное постановление полностью соответствует заключению, к которому пришла ПАСЕ в уже упоминавшейся резолюции от 25 января 2005г. - о том, что налоговые претензии против компании «ЮКОС» были сфабрикованы (п.12).

II.

Утверждения защиты о систематическом попрании стороной обвинения требований закона в угоду политически мотивированным интересам, подтверждается как массовым нарушением следователями и надзирающими прокурорами положений уголовно-процессуального законодательства, так и вызывающим игнорированием общеобязательных судебных актов, включая решения и разъяснения Конституционного Суда РФ.

Изучение материалов уголовного дела неопровержимо свидетельствует, что

- целенаправленно продолжается противоправная и глубоко порочная практика *«тайного следствия»*, а также систематическая и циничная фальсификация материалов уголовного дела.
- в его основу положены документы, большинство которых изъято в нарушение требований УПК РФ и решений Конституционного суда РФ, поэтому они являются доказательствами, не имеющими юридической силы, при этом материалы, содержащие сведения, оправдывающие обвиняемых, умышленно скрываются от стороны защиты;
- в обвинении заведомо искажаются события и факты, в то время как совершенно законным действиям придается криминальное значение;
- выделение и возбуждение уголовных дел, материалы которых составной частью вошли в дело №18/432766-07, производилось произвольно, вопреки действующему законодательству, с нарушением прав и законных интересов М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева;
- систематически ограничивались права адвокатов, начиная от недопуска их к участию в следственных действиях, незаконных допросов, обысков рабочих мест и кончая незаконными задержаниями и открытым запугиванием;
- умышленно при переводах искажался смысл и содержание документов, исполненных на иностранных языках;

- не приобщены к материалам дела все аудиозаписи следственных действий, тогда как имеющиеся свидетельствуют о несоответствии их тексту находящихся в деле протоколов;
- откровенно нарушается установленный законом принцип территориальной подследственности и не исполняются вступившие в силу и неугодные следствию судебные решения.

Так, следователи Следственного комитета при прокуратуре РФ полностью игнорируют целый ряд судебных актов, вступивших в законную силу и обязательных для исполнения. Им хорошо известно, что с момента возникновения уголовного дела №18/432766-07 курировавший следствие заместитель Генерального прокурора РФ В.Я.Гринь местом проведения расследования **произвольно определил город Читу**. Процессуальным основанием для такого решения является его постановление от 3 февраля 2007г.. Какие-либо убедительные причины для ведения следственных действий именно в гор.Чите, в постановлении приведены не были. Более того, все решения по делу органами следствия принимались и принимаются, а значительная часть следственных действий производились и проводятся не в указанном месте, а в гор. Москве.

Защита Ходорковского М.Б. и Лебедева П.Л.(адвокаты Шмидт Ю.М. и Липцер Е.Л.) обжаловала указанное постановление в установленном законом порядке, в результате чего Басманный районный суд гор.Москвы 20 марта 2007г. признал его незаконным и необоснованным. Суд постановил: ***“Отсутствие должным образом указанных оснований и мотивов принятого решения нарушает право обвиняемых Ходорковского М.Б. и Лебедева П.Л., гарантированного им ч.1 ст.46 Конституции РФ на защиту”***.

Это судебное постановление вступило в силу 16 апреля 2007г., после того как с ним полностью согласилась Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда, признавшая кассационные доводы прокуратуры **несостоятельными и не соответствующими закону**. В определении, в частности, говорится:

- *“Принимая решение по жалобе адвокатов Липцер Е.Л. и Шмидта Ю.М. в порядке ст.125 УПК РФ, суд строго руководствовался требованиями уголовно-процессуального закона и мотивировал свои выводы”* (с.2);

- *“в обжалуемом постановлении отсутствуют сведения о том, в чем именно выражается обеспечение полноты, объективности*

предварительного расследования и соблюдение процессуальных сроков, при производстве предварительного расследования в городе Чите” (с.3);

- “как видно из представленных материалов, данное уголовное дело длительное время расследуется Генеральной прокуратурой РФ, расположенной на территории, на которую распространяется юрисдикция Басманного районного суда г.Москвы. На той же территории вынесено обжалуемое постановление заместителя Генерального прокурора Российской Федерации” (с.6).

Попытки представителей Генеральной прокуратуры РФ добиться отмены постановления Басманного районного суда гор.Москвы в надзорном порядке никаких результатов не принесли. 13 июня 2007 года и 4 июля 2007 года надзорные представления Гриня В.Я. оставлены без удовлетворения, соответственно, судьёй Московского городского суда Водопьяновой Л.М. и Председателем Московского городского суда Егоровой О.А.

На состоявшемся 13 сентября 2007 года заседании Президиума Московского городского суда было оставлено без удовлетворения очередное надзорное представление заместителя Генерального прокурора РФ Гриня В.Я. В судебном решении еще раз четко сказано:

– «постановление заместителя Генерального прокурора РФ об определении города Читы местом производства предварительного расследования по делу Ходорковского М.Б. и Лебедева П.Л. должно было содержать достаточно подробное и логически выдержанное обоснование вывода о том, что только таким путем могут быть обеспечены полнота и объективность расследования, а также соблюдение процессуальных сроков. Иное означало бы предоставление прокурору права по собственному усмотрению, не считаясь с конкретными обстоятельствами дела и интересами участников процесса, производить предварительное расследование не только по месту совершения преступления, но и по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей, что противоречит требованиям закона»,

– «заместитель Генерального прокурора РФ совершенно не привел аргументов, свидетельствующих о необходимости проведения расследования именно в г. Чите и не указал, почему он считает, что только в этом случае могут быть обеспечены надлежащая полнота и объективность расследования, а также соблюдение процессуальных сроков. При этом общая фраза о том, что предстоит производство большого объема следственных действий с участием обвиняемых, достаточно убедительным аргументом признана быть не может, поскольку не дает возможности судить ни о количестве, ни о характере

предполагаемых мероприятий, ни о привязке их непосредственно к месту нахождения обвиняемых»,

– *«немотивированное постановление заместителя Генерального прокурора РФ от 3 февраля 2007 года стесняет гарантированное законом право обвиняемого на доступ к правосудию и судебную защиту»,*

– *«Президиум не может также согласиться с выраженным в надзорном представлении мнением о том, что состоявшиеся судебные решения вошли в противоречие с решениями судебных инстанций г. Читы, рассматривавшим вопросы об избрании меры пресечения и продлении сроков содержания под стражей в отношении Ходорковского М.Б., Лебедева П.Л., поскольку Ингодинский районный суд г. Читы и Читинский областной суд вопроса о месте производства предварительного расследования непосредственно не затрагивали и не решали».*

Таким образом, судебным решением в очередной раз была признана **полная незаконность** проведения следственной группой под руководством Каримова-Дрыманова-Алышева предварительного расследования **в городе Чите**, а также **длительное, злостное и умышленное неисполнение судебного акта**, совершаемое вопреки прямым и четким предписаниям закона (ст.392 УПК РФ, ст.6 закона “О судебной системе Российской Федерации”). При этом периодически приводимые нарушителями законодательства (С.К. Каримов, В.А. Лахтин, А.А. Дрыманов, В.Н. Алышев) объяснения своих противоправных действий **не имеют ничего общего ни с правовой культурой, ни со здравым смыслом.**

Можно констатировать факт, что неисполнение судебных решений стало обычным для Генеральной прокуратуры РФ (а теперь и для Следственного комитета) делом, и это наносит непоправимый ущерб как авторитету судебной системы нашего государства, так и в целом всей Российской Федерации. Такое пренебрежительное отношение к судебной власти ранее уже было предметом рассмотрения Европейского Суда по правам человека, который на процессе "Нахманович против России" в постановлении от 2 марта 2006 г. прямо указал: **“Задержка разбирательства по делу произошла по вине Генеральной прокуратуры Российской Федерации, поскольку она отказалась исполнять судебные решения и требовала их отмены в порядке надзора”.**

Указанные грубейшие нарушения стороной обвинения основополагающих требований закона о порядке проведения предварительного расследования, по смыслу ч. 2 ст. 50 Конституции РФ,

ст.ст. 7, 75 УПК РФ, влекут юридическую ничтожность всех принятых процессуальных решений и произведенных следственных действий, а также недопустимость всех добытых доказательств.

В той же связи необходимо особо отметить, что стремясь воспрепятствовать реализации конституционного права М.Б. Ходорковского и П.Л.Лебедева на защиту, сторона обвинения по надуманным основаниям инициировала ограничение сроков ознакомления с делом, тогда как все его материалы адвокатам и их подзащитным даже не представлены; изучение дела производилось и производится с грубыми нарушениями закона, а само следствие не закончено и продолжает вестись в полном объеме под прикрытием других дел.

Не случайно протоколы допросов различных лиц из уголовного дела - №18/41-03 активно использовались следствием на процессах по продлению сроков содержания под стражей по настоящему уголовному делу.

Более того – давая показания на проходящем в настоящее время в окружном суде Никосии на Кипре судебном разбирательстве, бывший руководитель следственной группы Каримов С.К. 26 ноября 2007 года подтвердил факт продолжающегося расследования по эпизоду перепродажи нефти, добытой дочерними предприятиями ОАО НК ЮКОС, который в полном объеме вменен в вину Ходорковскому М.Б. и Лебедеву П.Л. Еще ранее это обстоятельство озвучил в том же суде бывший следователь Хатыпов Р.А., обратившийся в правоохранительные органы Кипра с аффидавитом, где он обосновывал необходимость получения Генеральной прокуратурой РФ дополнительных документов для использования в ходе расследования.

Доказательства непрекращающегося следствия, проводящегося исключительно в Москве, содержатся и в материалах, приобщенных на завершающей стадии ознакомления с делом якобы по инициативе одного из гражданских истцов Сам факт такого приобщения после вынесения судебного решения об ограничении времени изучения дела, свидетельствует о продолжении порочной практики ведения параллельного расследования при формальном его якобы завершении.

Нельзя не отметить, что указанные нарушения при ознакомлении с материалами дела открыто признаются самим следователем Алышевым, указавшим в постановлении от 19 ноября 2007г. о продлении срока предварительного следствия, что, несмотря на ограничение срока ознакомления обвиняемых и их защитников с материалами дела до 22 декабря 2007г., имеют место исключительные обстоятельства, связанные с необходимостью «полного завершения ознакомления обвиняемых и их

защитников с материалами многотомного дела, разрешения возможных ходатайств» и выполнения всех требований, предусмотренных ст.ст. 217-221 УПК РФ, на что требуется срок не менее двух месяцев от 2 января 2008г. С такой позицией следователя согласился и первый заместитель Генерального прокурора РФ – Председатель Следственного комитета при прокуратуре РФ Бастрыкин А.И., продливший 20 ноября 2007г. срок следствия по делу до 2 марта 2008г. Таким образом, незаконно и необоснованно ограничив срок ознакомления стороны защиты с материалами дела, следствие одновременно признает явную недостаточность этого срока, тем самым признает и допущенное им нарушение закона и прав наших подзащитных на надлежащее ознакомление с материалами дела в ограниченный срок.

Между тем, предъявленные стороне защиты в необоснованной системе материалы дела не имеют описи, листы пронумерованы легко стираемым карандашом, в нумерации имеются исправления, в некоторых случаях – неоднократные. Несмотря на требования защиты, указанные недостатки в оформлении дела не были устранены. Это даёт стороне защиты основание полагать, что тем самым умышленно создаются условия для продолжения фальсификации материалов дела. Кроме того, имеют место и другие многочисленные нарушения, а также грубая небрежность в оформлении дела, как-то: пропущенные, нечитаемые из-за чёрных полос или плотно вшитые листы. Указанные грубые нарушения также свидетельствуют о нарушении органами следствия права стороны защиты на ознакомление со всеми материалами дела (ч. 1 ст. 215 УПК РФ), которому корреспондирует не выполненная надлежащим образом обязанность следствия представить для ознакомления стороне защиты эти материалы в подшитом и пронумерованном виде (ч. 1 ст. 217 УПК РФ).

Особо следует отметить, что отмечаемые процессуальные нарушения в действиях следователей **зафиксированы в целом ряде решений читинских судов.**

Так, Центральным районным судом г.Читы были установлены факты грубого нарушения прав П.Л.Лебедева членами следственной бригады. В судебном постановлении от 9 апреля 2007г по этому поводу сказано: ***“Признать действия следователей Будаева С.Д. и Зинеева А.И. в отказе принятия ходатайства Лебедева П.Л. от 21 марта 2007г незаконными и необоснованными и обязать устранить допущенные нарушения”.***

Нарушение конституционных прав П.Л. Лебедева на охрану здоровья и медицинскую помощь было констатировано 16 августа 2007г. решением Центрального районного суда г.Читы.

В свою очередь, Ингодинский районный суд г. Читы, рассмотрев жалобы П.Л.Лебедева в порядке ст.125 УПК РФ, 14 февраля и 18 мая 2007г признал незаконными и необоснованными процессуальные решения, ущемляющие права обвиняемого на проверку его алиби, вынесенные руководителем следственной бригады – бывшим ст.следователем по особо важным делам Генеральной прокуратуры РФ Каримовым С.К.

Не менее грубыми нарушениями уголовно-процессуального закона отмечен весь ход “расследования” уголовного дела №18/432766-07 и других дел, материалы которых были к нему приобщены следствием. В их числе защита считает необходимым отметить следующие факты:

1. В томе ... находится вынесенное следователем Каримовым С.К. постановление от 14 декабря 2004 года о производстве обыска в **адвокатском бюро “АЛМ Фельдманс” без санкции суда**. Там же имеется протокол обыска, проводившегося 15 декабря 2004г. Изъятые при обыске документы были осмотрены 1 февраля 2007г, и в тот же день постановлением приобщены к уголовному делу в качестве вещественных доказательств.

Вышеперечисленные процессуальные и следственные действия **являются незаконными**, так как статья 8 федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре”, обеспечивающая соблюдение адвокатской тайны, предусматривает, что с **1 июля 2002 года проведение следственных действий в отношении адвоката**, в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности, **допускается только на основании судебного решения**. Помимо указанного закона, четкие и ясные разъяснения на этот счет давались **Конституционным судом РФ** (определения от 8.11.2005 №439-О; от 2.03.2006 №54-0).

Таким образом, **являются незаконными и не имеющими юридической силы** как само постановление о производстве обыска от 14.12.2004, так и протокол этого следственного действия от 15.12.2004.

Следствие нарушило и еще один запрет, содержащийся в законе “Об адвокатской деятельности и адвокатуре”. Ст. 8 ч. 3 предусматривает, что полученные в ходе следственных действий сведения, предметы и документы могут быть использованы в качестве доказательств обвинения только в тех случаях, когда они **не входят в производство адвоката по делам его доверителей**.

Между тем обнаруженные при незаконном обыске материалы адвокатских досье, в которых находились договоры, адвокатская переписка, инструкции для клиентов, счета за правовые услуги, отчеты о проделанной работе и т.д., были признаны вещественными доказательствами и в этом качестве приобщены к делу.

Указанные факты очевидного нарушения закона доводились защитой до сведения следствия и надзирающих прокуроров, однако были полностью проигнорированы, что подтверждает умышленность и противоправность действий со стороны обвинения.

2. В томе ... находится вынесенное следователем Алышевым В.Н. постановление от 12 декабря 2004 года о производстве выемки в адвокатском бюро “АЛМ Фельдманс” **без санкции суда**. Там же имеется протокол выемки, проводившейся 12 декабря 2004г следователями следственной бригады. По уже указанным причинам действия следователей **являются незаконными**

Таким образом, **не имеют юридической силы** как само постановление о производстве выемки от 12.12.2004, так и протокол этого следственного действия от той же даты, **а полученные подобным образом доказательства являются недопустимыми.**

Конституция Российской Федерации (ч. 2 ст.50) указывает, что **“при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона”**. В свою очередь, в статье 75 УПК РФ разъясняется, что недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для установления любого из обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу. В силу предписаний, содержащихся в ч.2, 3 ст.88 УПК РФ, следователи **обязаны признать недопустимыми и исключить все доказательства, полученные в результате несанкционированных судом обыска и выемки в адвокатском образовании.**

Характерное для следствия пренебрежение конституционными нормами также свидетельствует о заведомо незаконном характере действий стороны обвинения.

3. Кроме того, **являются недопустимыми доказательствами, полученными с нарушением закона, все документы, которые, как следует из материалов дела, изъяты в ходе обыска 9 октября 2003 г. в**

служебном помещении Адвокатского бюро «АЛМ - Фельдманс» у адвоката Дреля А.В.

Это следственное действие было произведено с грубыми нарушениями, поскольку, как уже говорилось ранее, вопреки требованиям закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», следствие не истребовало санкцию суда на обыск в адвокатском бюро, и поэтому его результаты **не имеют никакой юридической силы.**

О том, что проводившие обыск следователи отлично знали, что помещение занимает адвокатское образование, **свидетельствует прежде всего сам протокол обыска**, содержащий следующие записи. На первой странице протокола – *“Следователь...произвел обыск (выемку) Московская обл., д.Жуковка, д.88а, 4 этаж, арендуемый адвокатским бюро АЛМ...”*. В тексте протокола – *“рядом с входом в кабинет №1 в холле находится шкаф, на котором наклеена бирка с текстом: Рабочие документы адвоката Дреля А.В”*. Итоговая часть протокола, раздел “Замечания к протоколу”: *“на шкафах, находящихся в холле на 4 этаже, откуда изымались документы, были наклеены бумажные бирки с надписью “Рабочие документы адвоката Дреля А.В.”*”.

При этом в протоколе зафиксировано, что с территории, на которой производился обыск, в сопровождении сотрудников милиции была выведена адвокат МГКА П-ная несмотря на ее протесты.

Проводившие расследование лица в очередной раз нарушили еще один законодательный запрет, поскольку незаконно изъяты при обыске в Адвокатском бюро «АЛМ-Фельдманс» документы из производства адвоката по делам его доверителей используются следователями в качестве доказательств по уголовному делу, хотя **это категорически запрещено законом** «Об адвокатской деятельности и адвокатуре».

Кроме того, как следует из материалов дела, имел место **факт отсутствия при обыске в рабочем помещении адвоката** лица, у которого производился обыск. Сотрудники Генеральной прокуратуры РФ, проводившие обыск, не только не выполнили предписания ч.11 ст.182 УПК РФ (*при производстве обыска участвует лицо, в помещении которого проводится обыск*), но и **принудительно удалили адвоката Дреля А.В. из здания, где обыскивался его служебный кабинет.**

Применительно ко всем приведенным случаям несанкционированных следственных действий в адвокатских образованиях следует заметить, что **нарушения совершались следствием умышленно, с откровенным пренебрежением к закону.** Сказанное полностью подтверждается

материалами дела, поскольку перед производством обыска в адвокатском бюро “Лекс Интернэйшнл” руководитель следственной бригады Каримов С.К. счел необходимым получить судебную санкцию, которая была затем выдана Симоновским районным судом гор.Москвы 3 сентября 2004 года.

4. В целом ознакомление с материалами уголовного дела №18/432766-07 подтверждает вывод защиты о том, что подавляющая часть собранных следствием документов получена с грубым и явным нарушением требований законодательства.

Так, истребование в ходе расследования информации, составляющей банковскую тайну (ст.26 федерального закона “О банках и банковской деятельности”, ст.857 Гражданского кодекса РФ), допустимо только при условии получения соответствующих санкций. По этому поводу Конституционный Суд РФ дал четкие и однозначные разъяснения правоприменительным органам в Определении от 19 января 2005 г. N 10-О “По жалобе ОАО “Универсальный коммерческий банк ”ЭРА” на нарушение конституционных прав и свобод частями второй и четвертой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса РФ”: *“Положения частей второй и четвертой статьи 182 УПК Российской Федерации в системе действующего уголовно-процессуального регулирования предполагают необходимость принятия судебного решения о выемке и изъятии путем проведения обыска предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях”*.

Такое указание в полной мере корреспондируется с положениями п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ “Полномочия суда” (как в настоящей, так и предыдущих редакциях), где только суду с 1 января 2004 года предоставлено право давать разрешения на выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях. Соответствующим образом приведена в надлежащее состояние часть 3 статьи 183 УПК РФ в редакции федерального закона от 5 июня 2007г №87-ФЗ.

... Неоднократно зафиксированы и случаи, когда члены следственной группы незаконно производили обыски в банковских учреждениях ...

... Таким образом, все полученные в результате вышеуказанных противоправных деяний документы относятся к разряду недопустимых доказательств и поэтому их использование в процессе уголовного судопроизводства должно быть исключено.

5. В материалах уголовного дела отражены и иные неединичные случаи, когда производились следственные действия с нарушением предусмотренных законом процедур.

6. Очевидные и грубые искажения, доходящие просто до абсурда, содержатся во многих переводах, исполненных штатными переводчиками Генеральной прокуратуры РФ. По итогам работы одного из них, «Под определением «Продукты» понимаются страны Европы, Америки, Азии и Африки». В иных случаях в результате переводов изменены цифровые показатели, пропущены фрагменты.

7. К материалам дела приобщены многочисленные документы, происхождение которых неизвестно и не установлено, а также постановления о производстве обысков и выемок и протоколы указанных следственных действий, в которых указаны в качестве изъятых документы, отсутствующие в деле. Кроме того, в деле имеются протоколы выемок и обысков, исполненные с нарушениями требований ст.ст. 182-183, 165-167 УПК РФ.

В соответствии со ст.ст. 7, 75, 88 УПК РФ все указанные процессуальные документы являются юридически ничтожными и не имеют доказательственного значения, а изъятые документы и иные доказательства, как добытые с нарушением закона, также подлежат признанию недопустимыми и исключению.

III.

Проведя “расследование” с нарушением требований закона, сторона обвинения на завершающей стадии следствия предприняла активные меры для воспрепятствования защите в выполнении возложенных на нее функций:

- **Незаконные действия в отношении адвокатов.** 4 февраля 2007 года, в аэропорту Домодедово, адвокаты – Ю.Шмидт, Е.Бару, К.Ривкин, Л.Сайкин, а позднее К.Москаленко, вылетающие по требованию Генеральной прокуратуры РФ в г.Читу для участия в следственных действиях по уголовному делу в отношении М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева, были подвергнуты абсолютно беспрецедентной провокации.

Адвокаты Ю.Шмидт, Е.Бару, К.Ривкин, Л.Сайкин были задержаны на стойке регистрации, у них были отображены билеты и паспорта, а они сами препровождены в подвальное помещение линейного отделения милиции, в котором удерживались некоторое время вооруженными сотрудниками правоохранительных органов. Помимо этого, в аэропорту Домодедово

сотрудниками милиции предпринимались попытки препроводить в отделение милиции и прибывшую несколько позже адвоката К.Москаленко.

На пункте досмотра, куда адвокатов препроводили в сопровождении сотрудников милиции, всех защитников и их вещи подвергли тщательному досмотру с помощью специальных рамок и рентгеновских установок. Затем сотрудники милиции начали подробнейший досмотр всех вещей адвокатов.

Все эти действия сопровождалось оперативной видеосъемкой.

В ходе досмотра бумаги из адвокатских досье, документы и письма адвокатов были тщательно досмотрены и подробно сняты на видеозапись.

Учитывая, что содержание адвокатских досье снималось на видеокамеру, а подобные действия не могут являться необходимыми для производства предполетного досмотра, то представляется, что данная запись была произведена в интересах стороны обвинения по уголовному делу М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева. Таким образом, следственной группой, вопреки процессуальному законодательству, негласно, путем привлечения сотрудников правоохранительных органов были произведены незаконные действия по воспрепятствованию защите и посягательству на адвокатскую тайну.

Кроме того, эти действия не могли быть осуществлены без ведома Генеральной прокуратуры РФ, которая была осведомлена о дате прибытия адвокатов в г.Читу.

В данных обстоятельствах очевидно, что слаженные хорошо спланированные действия сотрудников правоохранительных органов именно в тот день, когда все адвокаты вылетали в г.Читу по вызову следствия, доказывают причастность Генеральной прокуратуры РФ к этой грубой акции устрашения.

Таким образом, были нарушены международные стандарты обращения с защитой, а значит и в целом право на защиту обвиняемых М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева.

• Злоупотребление обвинением своими процессуальными полномочиями. Генеральная прокуратура РФ в целях осуществления политического по своей сущности преследования М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева неоднократно прибегала к злоупотреблению своими должностными полномочиями.

Так, 17 февраля 2007 года в г. Чите началось ознакомление с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ. 18 апреля 2007 года процедура была прервана по инициативе Генеральной прокуратуры РФ без

указания причин и срока, о чем было объявлено в устной форме. В тоже время, ходатайствуя перед судом о продлении содержания под стражей М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева, Генеральная прокуратура ссылаясь на необходимость ознакомления обвиняемых с материалами уголовного дела, которое в действительности не проводила.

27 июня 2007 года М.Б.Ходорковскому и П.Л.Лебедеву было сообщено о возобновлении ознакомления с материалами дела и объявлен график предъявления материалов дела. Таким образом, незаконное приостановление ознакомления с делом имело место в период с 18 апреля по 27 июня 2007 года, то есть 2 месяца и 10 дней. При этом изучение дела П.Л. Лебедевым продолжилось с 9 июля 2007г. в связи с полученной травмой.

• **Незаконное ограничение обвиняемых во времени ознакомления с материалами дела.** Статья 6.3b гарантирует каждому обвиняемому обеспечение права иметь достаточное время и условия для подготовки своей защиты. Эта норма нашла свое отражение в части 3 статьи 217 УПК РФ: *«Обвиняемый и его защитник не могут ограничиваться во времени, необходимом им для ознакомления с материалами уголовного дела»*. Ограничение времени ознакомления с материалами уголовного дела, согласно этой норме, допускается лишь в случае явного затягивания со стороны обвиняемого. Не установив каких-либо признаков затягивания времени ознакомления, следствие ввело суд в заблуждение, выйдя с ходатайством об ограничении М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева во времени ознакомления с материалами дела.

Тем самым было поставлено под сомнение и нарушено право обвиняемых, гарантированное статьей 6.3b Европейской Конвенции.

Все отмеченные и многие другие нарушения, выразившиеся, в том числе, в незаконных действиях (бездействии) органа предварительного следствия и надзирающих прокуроров:

- по ведению “параллельного” расследования в отношении М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева в течение ряда лет одновременно с их уголовным преследованием по другому уголовному делу, что нарушало право обвиняемых, гарантированное статьей 6.3a Европейской Конвенции, быть незамедлительно и подробно уведомленным о характере и основании предъявленного обвинения;

- по необоснованному переводу наших подзащитных в следственный изолятор гор. Читы;

- по ущемлению их прав на предоставление достаточного времени и возможности для подготовки позиции защиты;

- по проведению правоохранительными органами акций устрашения в отношении защитников, сопровождавшихся нарушением охраняемой законом тайны адвокатского производства, и непринятию надлежащих мер прокурорского реагирования на эти акции и соответствующие обращения защитников по этому и многим другим вопросам;

- по незаконному отобранию у защитников подписок о неразглашении данных предварительного следствия, незаконному контролю над способами осуществления защиты и вмешательству в конфиденциальные отношения подзащитного и защитников -

объединены единой целью, несовместимой с правосудием, и делают невозможным справедливое рассмотрение настоящего дела в контексте ст. 6 «Право на справедливое судебное разбирательство» Европейской Конвенции по защите прав и основных свобод человека, непосредственно действующей на территории РФ и являющейся составной частью ее законодательства.

IV.

Предъявленное нашим подзащитным обвинение беспрецедентно не столько по объему инкриминируемых сумм, сколько по масштабам умышленных искажений модели и мотивов человеческого поведения и фактических обстоятельств дела, а также по масштабам извращения и игнорирования смысла и содержания норм законодательства Российской Федерации при правовой оценке инкриминируемых деяний. Приведенные следствием в постановлениях о привлечении М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева в качестве обвиняемых утверждения о наличии в якобы совершенных ими действиях признаков составов инкриминируемых преступлений не основаны на законе, внутренне противоречивы, бездоказательны и опровергаются как очевидными и общеизвестными фактами, так и указанными в самом тексте обвинения фактическими обстоятельствами дела.

Вследствие указанных системных пороков, а также в силу объективного отсутствия реальных фактических данных о совершении нашими подзащитными каких-либо преступлений, все обвинение по

существу представляет собой ничтожную попытку искусственной криминализации обычной хозяйственной деятельности холдинговой компании (ЮКОС) с присущими ей особенностями построения корпоративных отношений.

Сказанное в равной мере относится к уголовно – правовой оценке обвинением как самих деяний, так и мотивов и целей, которыми руководствовались наши подзащитные и многочисленные иные лица, упоминаемые в предъявленном обвинении. По своему характеру, содержанию и направленности предъявленное обвинение является изощренным и одновременно абсурдным с точки зрения как права, так и здравого смысла, способом дискриминации наших подзащитных в связи с их имущественным и социальным положением, а также убеждениями.

Действуя в целях искусственной криминализации обычной хозяйственной деятельности, обвинение невежественно применяет уголовный закон к отношениям, не являющимся предметом регулирования уголовного законодательства, при этом искажает требования и конституционный смысл действующего права, а также полностью игнорирует неоднократно высказанную Конституционным Судом России четкую позицию по вопросу о соотношении различных отраслей закона в регулировании тех или иных правоотношений.

Так, Определение Конституционного Суда РФ от 10 июля 2003 г. № 270-О "Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" (абз. 3 п. 2) разъясняет: *«Уголовный закон, будучи в силу своей правовой природы крайним средством, с помощью которого государство осуществляет реагирование на факты правонарушающего поведения, распространяет свое действие лишь на те сферы общественных отношений, регулирование которых с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности, оказывается недостаточным».*

Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. N 13-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы" устанавливает:

«...Приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перед другими обычными федеральными законами не является безусловным, а ограничен рамками специального предмета регулирования, которым, как это следует из его статей 1-7, является порядок уголовного

судопроизводства, т.е. порядок производства (досудебного и судебного) по уголовным делам на территории Российской Федерации» (абз. 2 п. 2.3 Постановления);

«Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях уже подчеркивал необходимость учета особенностей предмета регулирования тех или иных законодательных актов при разрешении возникающих между ними коллизий» (абз. 3 п. 2.3 Постановления);

«...Положения о приоритете Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перед иными федеральными законами и нормативными правовыми актами - по их смыслу в системе действующего правового регулирования - не подразумевают разрешение возможных коллизий между данным Кодексом и какими бы то ни было федеральными конституционными законами и распространяются лишь на случаи, когда положения иных федеральных законов, непосредственно регулирующие порядок производства по уголовным делам, противоречат Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации» (п. 2.4 Постановления).

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что первоочередному применению подлежат те законы, к непосредственному предмету регулирования которых относятся рассматриваемые отношения, подчеркивая неконституционность неприменения относимого закона и применения к тем или иным отношениям закона, предметом регулирования которого эти отношения не являются (абз. 2 п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. N 8-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов о федеральном бюджете на 2003 год, на 2004 год и на 2005 год и постановления Правительства Российской Федерации "О порядке исполнения Министерством финансов Российской Федерации судебных актов по искам к казне Российской Федерации на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти либо должностных лиц органов государственной власти" в связи с жалобами граждан Э.Д. Жуховицкого, И.Г. Пойма, А.В. Понятовского, А.Е. Чеславского и ОАО "Хабаровскэнерго"; абз. 4 п. 2 Определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. N 439-О "По жалобе граждан С.В. Бородина, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"; абз. 3 п. 3 Определение Конституционного Суда РФ от 2 марта 2006 г. N 54-О "По жалобе общества с ограниченной ответственностью "Аудиторская фирма "АристалЮКС" на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7, 75 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации").

По настоящему делу предметом правовой оценки являются отношения по заключению и исполнению сделок, а также по управлению юридическими лицами, исчерпывающим образом урегулированные гражданским, а не уголовным правом.

При таких обстоятельствах, согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, органы следствия и суды должны руководствоваться прежде всего отраслевым законом, а не собственным «усмотрением» или «толкованием», как это имеет место, например, при «толковании» безвозмездности органами следствия в настоящем деле. Более того, при юридической квалификации тех или иных отношений, урегулированных другими отраслями права, уголовный закон не имеет какого-либо заведомого или искусственного приоритета, наоборот - применению подлежат в первую очередь именно те федеральные законы, к непосредственному предмету регулирования которых относятся отношения, рассматриваемые органами следствия и судом.

Таким образом, предпринятая обвинением попытка искусственной криминализации не подлежащих уголовному преследованию деяний путем необоснованного и расширительного применения уголовного закона к отношениям, регулируемым иным законодательством, является очевидно и заведомо неконституционной. Результатом такого произвольного применения уголовного закона стало то, что обвинение подменяет доказывание преступности деяний подзащитных попыткой доказывания того, что компаниями и лицами, к которым подзащитные имели то или иное отношение, якобы было нарушено гражданское, в том числе корпоративное и антимонопольное законодательство. При этом обвинение не дает себе труда и не в состоянии доказать даже эти, не наказуемые в уголовном порядке, нарушения, инкриминируемые нашим подзащитным. Действительное содержание и смысл норм гражданского законодательства следствием либо игнорируется, либо толкуется самым превратным образом. Тем самым обвинение оставляет без ответа вопрос о том, каким образом могут считаться уголовно наказуемыми деяниями сделки, осуществлявшиеся в полном соответствии с гражданским и иным законодательством, в том числе и такие, которые никем даже не оспаривались в судебном порядке.

Учитывая крайнюю степень недобросовестности процессуального поведения обвинения, сторона защиты, в целях недопущения дальнейших фальсификаций и незаконного воздействия на свидетелей со стороны обвинения, не считает возможным на данной стадии производства по делу подробно аргументировать высказанную правовую позицию ссылками на

конкретные фактические обстоятельства дела. Тем не менее, защита имеет достаточные основания для следующих утверждений.

ПО ВСЕМ ОБВИНЕНИЯМ:

- следствие не только не установило и не доказало наличие совокупности обязательных признаков составов инкриминируемых преступлений и обстоятельств, составляющих предмет доказывания, но даже **не сформулировало обвинение надлежащим образом**. Все инкриминируемые нашим подзащитным деяния в действительности, как указано выше, представляли собой обычные гражданско-правовые сделки и управленческие решения, совершенные (принятые) в рамках обычного делового оборота субъектов хозяйственной деятельности. Эти деяния совершались в правомерных целях и правомерными способами. Доказательства обратного обвинением не представлены. Незаконное и необоснованное возбуждение уголовного дела и предъявление обвинения нашим подзащитным не останавливает и не отменяет (вопреки очевидному стремлению к этому обвинению) действие иных, кроме уголовного, законов, и прежде всего гражданского законодательства, регулирующего совершение инкриминируемых им сделок и иных действий. Сторона обвинения указывает на якобы имевшую место противоправность заключенных и исполненных в соответствии с законом гражданско-правовых сделок, но делает это огульно и бездоказательно. При этом сторона обвинения во всех случаях дает произвольную и неадекватную правовую оценку направленности волеизъявления участников гражданско-правовых сделок, не основанную на содержании имеющихся в материалах дела гражданско-правовых договоров и других обстоятельствах дела. Кроме того, игнорируя нормы гражданского законодательства РФ, сторона обвинения дает незаконную правовую оценку юридических фактов, входящих в предмет регулирования этого законодательства. Более того, органы предварительного следствия и прокурорского надзора, превышая свои полномочия и грубо нарушая конституционные гарантии свободы экономической деятельности, присваивают себе право определять и оценивать уровень цен и другие условия заключения сделок коммерческими организациями;

- обвинение в совершении инкриминируемых преступлений организованной группой прямо противоречит требованиям ст. 35 УК РФ, поскольку установленные указанной нормой закона обязательные критерии организованной группы как устойчивой группы лиц, заранее объединившихся для совершения преступлений, очевидно и заведомо отсутствуют. Указанный квалифицирующий признак инкриминирован нашим подзащитным заведомо необоснованно, прежде всего, с целью

уклонения от невыполнимой для обвинения (в виду отсутствия фактических и правовых оснований) обязанности доказывания наличия в их действиях всех обязательных элементов объективной и субъективной стороны соответствующих составов преступлений. Кроме того, он инкриминирован с целью еще большего искусственного отягощения и без того тяжкого и безосновательного обвинения, унижения чести, достоинства и деловой репутации наших подзащитных. Обвинение намеренно игнорирует то очевидное обстоятельство, что деяния, инкриминируемые подзащитным, являлись не реализацией объективной и субъективной стороны какого-либо преступления, а действиями, которыми реализовывались установленные законом права и полномочия юридических лиц (в том числе и представляемых либо контролируемых подзащитными), их органов управления и акционеров. В качестве так называемой организованной группы обвинение рассматривает лиц, которые являлись акционерами, органами (либо членами органов) управления ОАО НК «ЮКОС» и его дочерних и зависимых обществ, либо вообще рядовых сотрудников и менеджеров, вся «вина» которых состоит в выполнении их трудовых обязанностей. Вопросы о том, каким образом формирование в установленном законом порядке органов управления юридических лиц может являться одновременно созданием так называемой организованной группы, а также о том, каким образом реализация установленных законом прав и полномочий может одновременно являться совершением преступлений, обвинение намеренно оставляет без ответа. Вместо этого обвинение приводит свои голословные утверждения о наличии «организованной группы», «указаниях», «распределении ролей» и др., не указывая на какие бы то ни было, действительно имевшие место быть, факты и обстоятельства, подтверждающие сделанные ею выводы. Более того, обвинение, как в части создания и деятельности так называемой организованной группы, так и в части так называемых хищений, вменяет подзащитным не просто преступные действия, которые они не совершали, а те действия, которые совершало или разрешало государство, т.е. та сторона процесса, которую само обвинение и представляет.

Помимо этого, стремясь приписать М.Б.Ходорковскому и П.Л.Лебедеву как можно более масштабные якобы совершенные ими противоправные действия, авторы постановлений о привлечении в качестве обвиняемых договорились до того, что вменили им в вину проведение сделок в фантастических объемах, сопоставимых с государственным бюджетом всех стран мира. На с.110 обвинения М.Б.Ходорковского и с.114 обвинения П.Л.Лебедева им дважды каждому инкриминируются операции на 60 триллионов долларов США!!

IV.

ПО ОБВИНЕНИЯМ В ХИЩЕНИИ АКЦИЙ ДОЧЕРНИХ ОБЩЕСТВ ОАО «ВНК», А ТАКЖЕ В ХИЩЕНИИ ИМУЩЕСТВА ДОЧЕРНИХ ОБЩЕСТВ ОАО НК «ЮКОС»:

- в инкриминируемых действиях отсутствуют все обязательные признаки хищения, предусмотренные примечанием к ст. 158 УК РФ, а именно: корыстная цель; изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц; противоправность и безвозмездность такого изъятия (обращения); причинение ущерба охраняемым уголовным законом объектам уголовно-правовой защиты - праву собственности хозяйственных обществ либо иных лиц. Ни один из указанных признаков состава преступления органами предварительного расследования не только не доказан, но даже не сформулирован в соответствии с императивными требованиями уголовного закона. Имущественные отношения, к которым относятся отношения по отчуждению участниками гражданского оборота принадлежащего им имущества на возмездной или безвозмездной основе, в силу ст. 2 ГК РФ регулируются гражданским законодательством. Поскольку обвинение, вопреки смыслу и содержанию закона и требованиям Конституционного Суда, руководствуется исключительно уголовным законом при юридической квалификации отношений, которые не являются предметом уголовного права, это приводит к таким абсурдным, юридически ничтожным последствиям, как установление «бескорыстного» хищения, когда потерпевшими признаются стороны по возмездным сделкам, получившие по таким сделкам, выдаваемым обвинением за хищения, встречное предоставление, исчисляемое десятками и сотнями миллионов долларов США и рублей. Доходя до полного абсурда, а равно полного правового нигилизма и цинизма, обвинение характеризует указанное встречное предоставление как совершенное «для обеспечения условий для дальнейшего хищения», и на этом основании отказывается принимать его во внимание. Установленные по делу, но скрываемые следствием обстоятельства свидетельствуют, в том числе, об отсутствии чьих бы то ни было корыстных устремлений при совершении обмена акций и реализации продукции дочерних обществ ОАО НК «ЮКОС». Вместе с тем, отсутствуют какие-либо доказательства незаконного личного обогащения наших подзащитных или иных лиц в результате инкриминируемых им деяний. Тем самым отсутствуют доказательства преступного умысла, который должен выражаться в осознании подзащитными общественной опасности инкриминируемых деяний, предвидении неизбежности наступления общественно опасных последствий в виде причинения ущерба собственникам имущества и желания наступления таковых, а также доказательства совершения указанных действий с целью получения

материальной выгоды. Утверждения стороны обвинения о наличии у наших подзащитных прямого умысла, направленного на преступное завладение чужим имуществом с целью обращения его в свою пользу, надуманны, не подтверждаются и не могут быть подтверждены ни материалами дела, ни ссылками на конкретные факты или действия.

Такая позиция обвинения очевидным и прямым образом противоречит правовой позиции, выраженной в Определении Конституционного Суда РФ от 23 января 2001 г. N 9-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Килиной Натальи Васильевны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 8, примечания 1 к статье 158 и статьи 160 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также статей 46, 51, 247, 257 и 288 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР", которое устанавливает: *«отсутствие в статье 160 УК Российской Федерации упоминания о конкретных признаках субъективной стороны присвоения и растраты чужого имущества восполняется предписаниями других норм уголовного закона, подлежащих применению при квалификации соответствующих преступных деяний и содержащих как общее определение умышленного преступления (статьи 24 и 25), так и указание на корыстную цель как обязательный признак любого хищения (примечание 1 к статье 158)»*. В настоящем деле, согласно обвинению, подзащитные «похитили» имущество у самих себя, при этом «хищение» заключалось, в том числе и в том, что так называемые похитители передали так называемым потерпевшим суммы и имущество стоимостью в сотни миллионов рублей и долларов США;

- Ходорковский и Лебедев не могут являться субъектами данных преступлений (даже если бы они и были совершены), поскольку отсутствует обязательный для квалификации инкриминируемых деяний по ст. 160 УК РФ признак состава преступления - вверение обвиняемому имущества его собственником или законным владельцем. В связи с тем, что следствием была умышленно скрыта от защиты большая часть доказательств, необходимых для установления истины по делу и имеющихся в распоряжении следствия, в том числе и относящиеся к уголовному делу № 18/432766-07 материалы из уголовных дел № 18/72-03 и № 18/58-03, по которым в отношении Ходорковского и Лебедева 16 мая 2005 г. Мещанским районным судом г. Москвы 16 мая 2005 г. вынесен приговор, в материалах уголовного дела № 18/432766-07 нет сведений о том, где, кем и в какие периоды работали подзащитные, какими полномочиями обладали. В деле отсутствуют какие-либо доказательства того, что в период, указанный в обвинении, акции ТН ВНК и других предприятий, а также иное имущество, которое обвинение считает похищенным, могло быть вверено Ходорковскому и Лебедеву на основании их должностных обязанностей.

Кроме того, в материалах дела № 18/432766-07 нет ни одного договора, доверенности либо иного документа, на основании которого Ходорковскому и Лебедеву каким-либо образом было вверено указанное имущество. Более того, следствие не останавливается и перед прямыми фальсификациями в попытках “привязать” Ходорковского М.Б. и Лебедева П.Л. к изложенной в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого якобы “преступной деятельности” за счет умышленного искажения их служебного положения. Так, несмотря на то, что данными о профессиональной деятельности Лебедева П.Л. следствие располагает в полном объеме и активно использует сведения из его трудовой книжки в самой фабуле обвинения, здесь же содержится и заведомо ложная информация, поскольку он:

- в начале ноября 1998 г. не работал заместителем Председателя объединенного Правления ЗАО “Роспром”, и поэтому не мог поручить в этом качестве работникам дирекции стратегического планирования и корпоративных финансов ООО “Юкос-Москва” подготовить проекты договоров мены акций ОАО Ачинский НПЗ и др. организаций, а также в том же месяце организовать подписание договоров мены акций ВНК на пакет неликвидных акций ЗАО “Фрегат”;

- не мог “с использованием своего служебного положения в 1998 – 2000 г.г. совершать финансовые операции, т.е. “отмывание” (с.31-32), так как согласно записям в трудовой книжке, с 30.09.1999 г. ни в одной российской организации не работал и, соответственно, никакого служебного положения не занимал;

- не имел возможности по тем же причинам совершать действия, описываемые на с.с.18,34,35,48,54 и т.д. указанного постановления;

- не установлены обстоятельства, предусмотренные п.п. 1, 2, 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ в качестве обязательных для установления (доказывания) по каждому уголовному делу, в том числе: время, место, способ совершения преступления; виновность обвиняемых, форма вины и мотивы; характер и размер вреда. В частности, как противоправные действия, направленные на якобы незаконное изъятие добытой нефти и выучки от ее реализации у дочерних предприятий ЮКОСа, органами следствия представлены обычные корпоративные процедуры, предусмотренные действующим законодательством, в виде передачи функций исполнительного органа управляющей организации и дальнейшие действия этой управляющей организации и её сотрудников по управлению текущей деятельностью дочерних предприятий. Органы предварительного расследования не только не определили предмет предполагаемого ими «хищения», но произвольно и недобросовестно подменили заключение и исполнение законных гражданско-правовых сделок хозяйствующих субъектов «изъятием

имущества» в уголовно-правовом смысле. Доказательства противоправности изъятия имущества подменяются ими путем произвольного и ничем не обоснованного указания в обвинении на то, что заключенные договоры (сделки), а также право собственности и его переход, являлись «фиктивными», «подложными», «незаконными», «номинальными». Манипулируя терминами, неизвестными законодательству РФ и не несущими какой-либо правовой и смысловой нагрузки, обвинение подменяет этими манипуляциями исполнение своей обязанности по доказыванию инкриминируемых деяний и анализ норм законодательства, стремясь при этом избежать ответственности за полное несоответствие своих утверждений его требованиям. Суммы, инкриминируемые в качестве ущерба от хищения по обоим обвинениям, не только не доказаны, но и не исчислены надлежащим образом. Так, органы следствия расценили куплю-продажу нефти на основании договоров как её безвозмездное изъятие (хищение) только лишь на том основании, что цены продаваемой нефтедобывающими предприятиями нефти были ниже «средних мировых рыночных». Такой подход противоречит, наряду с базисными положениями международного и национального российского бизнес-права, основам доктрины уголовного права, в том числе ее фундаментальному требованию о необходимости исчисления ущерба только в момент и в месте совершения преступления, и является псевдоюридической квалификацией, грубо нарушающей действующее законодательство.

При этом следствием полностью игнорируются и очевидные фактические обстоятельства, свидетельствующие о недопустимости используемого им подхода по причине очевидной несопоставимости принципов ценообразования при определении цен на нефть в регионах добычи на внутреннем рынке Российской Федерации с так называемыми «мировыми ценами».

Более того, обвинением сознательно игнорируются все имеющиеся в материалах дела доказательства, свидетельствующие о том, что применявшиеся нефтедобывающими предприятиями ЮКОСа в договорах цены на нефть (базис цены – ближайший узел учёта УМН ОАО «Транснефть») соответствовали аналогичным рыночным ценам, складывавшимся в соответствующие периоды времени в регионах добычи нефти (ХМАО, Томский и Самарский регионы), что также подтверждается данными МРИ ИМНС РФ № 1 по крупнейшим налогоплательщикам, приобщенными самим следствием к делу, при этом, большая часть таких доказательств сознательно сокрыта стороной обвинения. Произведенный стороной обвинения полностью некорректный расчет стоимости «похищенного», равно как и само утверждение обвинения о

«безвозмездности» заключенных и исполненных гражданско-правовых договоров купли-продажи и мены, являются не только незаконными, но и голословными, бездоказательными, а также не соответствующими действительности, и находятся в полном противоречии с фактическими обстоятельствами дела. Потерпевшие и гражданские истцы в уголовном деле определены неправильно и признаны таковыми необоснованно и незаконно. Кроме того, следствием искусственно смоделирована абсурдная ситуация, при которой вопросы получения прибыли акционерным обществом и получения прибыли его акционерами не взаимоувязываются, а искусственно и незаконно противопоставляются. Поэтому и выводы обвинения о причинении какого-либо ущерба дочерним обществам ЮКОСа носят явно надуманный характер, являются не только необоснованными и внутренне противоречивыми, но и доходят до абсурда ввиду намеренного игнорирования общеизвестных законов логики и математики. Сказанное в равной мере относится и к утверждениям обвинения об ущербе, якобы причиненном сделками с акциями, и о безвозмездном завладении ими. Так, квалификация обвинением договоров мены акций как способа хищения (т.е. безвозмездного завладения чужим имуществом) является юридическим абсурдом. Если речь действительно идет о юридической квалификации, а не о псевдоюридической фантастике, то «безвозмездная мена» не существует и существовать не может. Утверждение о «безвозмездной мене», как с точки зрения правил формальной логики, так и с точки зрения юридической корректности, равноценно заявлению о существовании «квадратного шара». Не менее абсурдно и утверждение обвинения о том, что имело место само завладение (в уголовно-правовом понимании) указанными акциями, особенно с учетом скрываемых и игнорируемых обвинением условий договоров, на основании которых было произведено их отчуждение;

- отсутствуют доказательства наличия квалифицирующих признаков - использования обвиняемыми служебного положения и особо крупного размера;

- проигнорировано наличие обстоятельств, исключающих преступность деяния (п. 5 ч. 1 ст. 73 УК РФ). Обвинение сознательно замалчивает несколько существенных обстоятельств, с несомненностью свидетельствующих об отсутствии в чьих бы то ни было (в том числе и наших подзащитных) действиях состава преступления;

- инкриминируемое в рамках обвинения в хищении нефти и выручки от ее реализации деяние уже было предметом судебного разбирательства, по результатам которого 16 мая 2005г. Мещанским судом города Москвы в отношении наших подзащитных был постановлен обвинительный приговор по ст. 199 УК РФ. Несмотря на несогласие подзащитных и их защитников с

указанным приговором и его продолжающееся обжалование в Верховном Суде РФ и Европейском Суде по правам человека, он вступил в законную силу (копии приговора и кассационного определения содержатся в т.45 настоящего дела). Какие-либо новые или вновь открывшиеся обстоятельства по настоящему делу отсутствуют. Сама «доказательственная» часть данного обвинения в значительной степени состоит из материалов, скопированных из предыдущего дела. Указанные обстоятельства бесспорно подтверждают тот факт, что в части, касающейся данного эпизода, подзащитным инкриминируются те же деяния, за которые они уже осуждены указанным приговором Мещанского суда. При таких обстоятельствах повторное обвинение и предание суду тех же лиц по обвинению в совершении тех же фактических деяний, но с иной их квалификацией, является недопустимым нарушением требований национального (ч. 2 ст. 6 УК РФ) и международного права. Более того, обвинения в уклонении от уплаты налогов и хищении вверенного имущества являются взаимоисключающими, т.к. согласно смыслу налогового законодательства, налоги подлежат уплате с имущества, находящегося в законном владении, и с законных доходов, а хищение не может порождать законного владения и законного дохода. Соответственно, налоговые претензии к похитителю не могут иметь места, а обратное утверждение можно расценивать только как абсурдное. Вступившие в законную силу и известные следствию многочисленные судебные акты, а, следовательно, и содержащиеся в них выводы (независимо от критического к ним отношения стороны защиты по настоящему делу), согласно ст. 6 Закона РФ «О судебной системе», имеют обязательную силу, в том числе и для органов расследования, и поэтому исключают возможность уголовного преследования наших подзащитных по ст. 160 УК РФ.

V.

ПО ОБВИНЕНИЮ В ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИИ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И ИНОГО ИМУЩЕСТВА:

- ввиду отсутствия основного (предикатного) преступления заведомо отсутствует фундаментальный признак состава указанного преступления – имущество, приобретенное преступным путем (в результате совершения преступлений);

- нет обязательного для квалификации инкриминируемых деяний по ст. 174 (174.1) УК РФ признака состава преступления - специальной цели

придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению имуществом с целью сокрытия источника его происхождения. Более того, наличие и реализация такой цели полностью исключается самой конструкцией обвинения в хищениях, даже если бы это обвинение имело под собой какие – либо основания. Поскольку право собственности на якобы похищенные акции в установленном законом порядке регистрировалось в реестре акционеров, а якобы похищенные нефть, нефтепродукты и выручка от их реализации не только отражались в государственной отчетности соответствующих организаций, но и подвергались налогообложению, то никакие последующие действия по приданию правомерного вида владению, пользованию и распоряжению этим имуществом были в принципе невозможны, да и не требовались. Указанное обстоятельство со всей очевидностью указывает на полную абсурдность обвинений как в легализации, так и в хищениях. На это же указывает и смешение взаимоисключающих обвинений в хищении и легализации в отношении одних и тех же действий;

- при квалификации действий наших подзащитных по указанным статьям УК РФ допущены грубейшие нарушения смысла и содержания требований уголовного закона, в том числе ч. 2 ст. 6 УК РФ;

- не установлены обстоятельства, предусмотренные п.п. 1, 2, 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ в качестве обязательных для установления (доказывания) по каждому уголовному делу, в том числе: время, место, способ совершения преступления; виновность обвиняемых, форма вины и мотивы; характер и размер вреда. Денежные суммы и стоимость иного имущества, инкриминируемые в качестве легализованных, не только не установлены и не доказаны, но и не исчислены надлежащим образом, а само имущество надлежащим образом не идентифицировано. Соответственно, отсутствуют и доказательства наличия квалифицирующих признаков - использования служебного положения и крупного размера.

При этом в своем стремлении любыми средствами возложить уголовную ответственность на М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева при полном отсутствии их вины в чем-либо противоправном, сторона обвинения попирает выработанные отечественной юриспруденцией основы уголовного судопроизводства и искажает смысл и прикладное значение строго установленных процедур уголовного преследования.

Как известно, уголовно-процессуальный закон четко регламентирует порядок привлечения лица к уголовной ответственности, уделяя особое внимание такому процессуальному документу, как постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Относительно его значимости и

содержания Верховный Суд РФ неоднократно давал ясные и четкие указания, а именно: центральное место в постановлении занимает описательная часть, в содержание которой должны быть включены все без исключения инкриминируемые действия; обоснованность обвинения включает ссылку на фактические обстоятельства преступления; требования, которым должно отвечать постановление, являются гарантией права обвиняемого на защиту, и т.д. (“Судебная практика к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации”/под общ. редакцией В.М.Лебедева – М., 2005, с.504).

Соответственно, любое изложенное в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого обстоятельство должно быть достоверно установлено процессуальными средствами, указанными в законе.

Однако в рассматриваемом случае следствие дошло до того, что не допросило более 40 человек, чьи фамилии указаны в постановлениях, вынесенных в отношении М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева! При этом, согласно фабулам обвинений, данные лица, по мнению следователей, принимали самое непосредственное участие в организации и проведении сделок, трактуемых как криминальные!!

Таким образом, не имея показаний десятков лиц, внесенных в базовый обвинительный документ, и не выяснив их отношение к приписываемым им действиям и намерениям, сторона обвинения за них сама решила, какую роль они якобы играли в реализации замыслов некоей “организованной преступной группы”!!! Тем самым своими незаконными манипуляциями следствие лишило защиту возможности надлежащим образом оценить показания указанных лиц, определить их доказательственную значимость для установления истины, а также реализовать свое право на заявление соответствующих ходатайств.

При таких обстоятельствах в действиях М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева заведомо отсутствует состав каких бы то ни было, в том числе и всех инкриминированных им, преступлений. Предъявленное им обвинение противоречит многим требованиям закона, включая:

- ст. 3 УК РФ, согласно которой преступность деяния определяется только УК РФ, применение уголовного закона по аналогии не допускается;
- ст. 4 УК РФ, согласно которой при привлечении к уголовной ответственности не допускается дискриминация в зависимости от

имущественного и должностного положения, убеждений и других обстоятельств;

- ст. 5 УК РФ, согласно которой лицо подлежит ответственности только за те общественно опасные деяния и их последствия, в отношении которых установлена его вина, объективное вменение не допускается;

- ст. 6 УК РФ, согласно которой никто не может нести ответственность дважды за одно и то же преступление;

- ст. 8 УК РФ, согласно которой единственным основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ;

- ст. 6 УПК РФ, согласно которой одно из основных назначений уголовного судопроизводства - защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод;

- ч. 4 ст. 7 УПК РФ, согласно которой постановления следователя должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

- ст. 14 УПК РФ, согласно которой бремя доказывания лежит на стороне обвинения, и ст. 171 УПК РФ, согласно которой постановление о привлечении в качестве обвиняемого выносится только при наличии достаточных доказательств, дающих основание для обвинения лица в совершении преступления;

- ст. 1 ГК РФ, согласно которой гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления и судебной защиты нарушенных прав;

- ст. 2 ГК РФ, согласно которой правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, регулирование договорных и иных обязательств, а также других имущественных отношений, основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, определяются гражданским законодательством;

- ст. 10 ГК РФ, согласно которой в случаях, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно, разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются.

- ч. 1 ст. 12 УК РФ, ч. 2 ст.1 и ч. 2 ст. 459 УПК РФ, устанавливающие юрисдикцию РФ и Генеральной прокуратуры РФ, за пределы которых вышла сторона обвинения при ведении следствия.

В свою очередь, вышеуказанные фундаментальные нарушения основных принципов и требований отраслевого законодательства

свидетельствуют о фундаментальном ущемлении предъявленным обвинением конституционных прав и свобод наших подзащитных, гарантированных ст. ст. 2, 8, 17, 19, 21, 23, 34, 35, 45, 49, 50 Конституции РФ.

Кроме того, нарушается целый ряд гарантий и стандартов статьи 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, обеспечивающих каждому обвиняемому «право на справедливое судебное разбирательство»¹, а также предусмотренные ст.ст.3, 5, 6, 8, 13, 14, 17, 18, 34 Европейской конвенции и ст.1 Протокола 1 к указанной Конвенции:

- право на справедливый суд с уважением принципа равенства сторон;
- недопустимость использования недобросовестных (недопустимых) доказательств, включая фабрикацию доказательств;
- уважение принципа презумпции невиновности;
- обеспечение права обвиняемого быть незамедлительно и подробно уведомленным о характере и основании предъявленного ему обвинения;
- обеспечение обвиняемому достаточного времени и условий для подготовки своей защиты (без необоснованных ограничений);
- соблюдение гарантий права на защиту, включая конфиденциальность общения и недопустимость вмешательства;

недопустимость привлечения к уголовной ответственности за некриминальные по сути действия (в совокупности со статьей 7 Европейской Конвенции по правам человека).

VII. На основании изложенного,

заявляем:

- о незаконном, по форме и по содержанию, политически мотивированном уголовном преследовании **в целях, несовместимых с правосудием**, наших подзащитных М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева, **заведомая невиновность которых в предъявленных им обвинениях не вызывает сомнений изначально;**

¹ Это право, исходя из смысла статьи 6 Конвенции, распространяется и на стадию предварительного расследования.

- о полной незаконности и юридической ничтожности всех действий органов предварительного следствия, связанных с окончанием предварительного следствия и ознакомлением стороны защиты с материалами дела,

- о невозможности справедливого рассмотрения настоящего дела ввиду грубейших системных и фундаментальных нарушений требований российского и международного права на стадии досудебного производства;

- о невозможности, в силу вышеуказанных причин, реализовать в полном объеме на данной стадии производства по делу права стороны защиты, предусмотренные ч. 4 ст. 217 УПК РФ, в части ходатайства о вызове в судебное заседание ряда свидетелей, экспертов, специалистов для допроса и подтверждения позиции стороны защиты в связи с наличием оснований полагать, что на этих лиц будет оказано воздействие стороной обвинения или по ее инициативе.

ХОДАТАЙСТВУЕМ:

О прекращении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст.24 УПК РФ, в связи с отсутствием в действиях М.Б. Ходорковского и П.Л.Лебедева состава какого бы то ни было преступления.

ПРИЛОЖЕНИЯ: ...

Всего на 412 листах.

Адвокаты:

Шмидт Ю.М., Розенберг С.Л., Ключвант В.В., Ривкин К.Е., Липцер Е.Л, Мирошниченко А.Е., Терехова Н.Ю., Левина Е.Л., Грузд Б.Б., Сапожков И.Ю., Купрейченко С.В., Дятлев Д.М.

Ходатайство поддерживаем

М.Б.Ходорковский

П.Л.Лебедев

«22» декабря 2007г.